

ПО СТРАНИЦАМ ПЕЧАТИ

МАЙЯ ПЛИСЕЦКАЯ СНИМАЕТСЯ В КИНО

Беседа началась несколько неожиданно.

— Вы спрашиваете о моем творческом пути? — недоуменно переспросила Плисецкая. — Может быть, я ошибаюсь, но, мне кажется, раноато подводить итоги. Внутренне я чувствую себя в дороге. Собираюсь немало сделать. Возможно, будут успехи, а возможно, и просчеты.

Вскинула глаза и со столь свойственной ей душевной открытостью рассмеялась.

— Сценический путь балетного актера тернист. В нашем искусстве огорчений и разочарований, пожалуй, не меньше, чем радостей и триумфов. Иногда готовишь новую роль и чувствуешь, что твое внутреннее «я» не укладывается в балетмейстерский замысел, — необойдимы какие-то взаимные уступки. Или твердо уверена — роль получилась, а зритель на спектакле вносит свои «поправки», где-то его эмоциональная реакция не совпадает с твоим актерским состоянием. И снова что-то додумываешь, доделываешь.

Майя рассказывает о танце, как о зримой мелодии, несущей музыкальную идею хореографического образа, передающей его состояние в непрерывном симфоническом развитии. Каждый жест, каждое танцевальное движение и их бесчисленные сочетания-композиции должны быть подчинены выявлению строго конкретного драматургического содержания. Оно, это содержание, всегда уникально, единственно и неповторимо даже при внешней схожести драматических ситуаций. Так же, как несравним, к примеру, духовный мир Раймонды и Джульетты, Лауренсии и Китри, Одетты и Авроры...

Вот почему обречены на неудачу попытки некоторых балетмейстеров механически перенести танцевальные движения из одного спектакля в другой. Классический танец не униформа, это сложившаяся система жанрово-выразительных средств балетного театра, постоянно развивающихся за счет творческого использования богатейшей сокровищницы народного танца. И хореографическое решение каждого нового балетного спектакля должно нести свой яовый, неповторимый пластический язык.

— Кому-то принадлежит выражение: «Балет — язык народов мира», — продолжает Майя Плисецкая. — Я особенно сильно, до потрясения, поняла это во время зарубежных гастролей «Большого балета»...

Вы говорите о каком-то «творческом пути». Лучше я познакомлю вас со своими ближайшими планами.

Предстоящая мне работа носит особый характер. Множество раз слушаю «Кармен», я не могла избавиться от мысли, что музыка Бизе с ее изумительной пластической образностью, глубоким психологизмом, ярким, знойным национальным колоритом может явиться прекрасной основой хореографического спектакля. Вспомните хабанеру, сцену гадания, трагический финал — впрочем, абсолютно все решается хореографически. Я беседовала с талантливым кубинским балетмейстером Альберто Алонсо, и он сразу загорелся. Сейчас он уже ставит балет «Кармен» на Кубе. Скоро приедет в Москву и будет заниматься со мной. А затем я поеду танцевать премьеру. С нетерпением жду этого спектакля, давно мечтала о нем.

— Еще один вопрос...

— Я уже догадываюсь: как я пришла в кино? Верно? Случайно или не случайно — трудно сказать. Пожалуй, то и другое. Приглашение на роль Бетси в «Анне Карениной» было совершенно неожиданным. С другой стороны, всю свою жизнь мечтала о кино и, как бы точнее сказать, готовилась к нему. Затем танцевала в хореографических

фильмах, но это не то. Драматические полотна — вот о чем мне думалось. Пожалуй, первый толчок дал Рубен Николаевич Симонов. Только окончила хореографическое училище, говорит: «Переходите в драму, у вас способностей к драме больше, чем к балету». Поначалу мне эти слова показались просто причудой большого художника. Но как они запали в душу! Все свободное от сцены время пропадала на драматических спектаклях, без конца смотрела фильмы. И многие роли, как говорится, «на себя прикидывала». Это очень увлекательно — представлять себе: как бы я сыграла? И затем... не знаю, верите ли вы в наследственность, но в нашей семье были не только мастера хореографической сцены Суламифь и Асаф Мессерер, но и моя мать, киноактриса Ра Мессерер, и артисты драмы. Самым большим и ярким был дядя Азарий Михайлович, по сцене Азарин. Жалею, что не помню его — рано умер, но много слышала о его театральных успехах. Может быть, моя любовь к драме, к кино досталась по наследству.

— Итак, вы решились...

— Решилась! Уж очень интересно было попробовать себя в кино. Вначале отнеслась к предложению не особенно серьезно, со смехом, думала — наверняка не пройду. Уговорил на пробу Александр Григорьевич Зархи: «Ну чем вы рискуете, попробуйте, в любом случае останутся на память отличные фото». Снялась без всякой надежды на успехи и уехала на зарубежные гастроли. И вдруг туда звонок: «Утвердили!» Не скрою — обрадовалась. А затем съемки. Трудности? Ну какие же трудности! Пожалуй, самая большая — чередование русской и французской разговорной речи. Ведь я же княгиня Бетси Тверская...

Буквально накануне, в случайной беседе с исполнителем одной из главных ролей в фильме я услышал его восторженный отзыв об исполнении Плисецкой эпизода игры в крокет: «Она удивительно естественна, как будто действительно жила в мире героев романа Толстого и как будто всю жизнь снималась в кино». Рассказал об этом Майе — она расхохоталась.

— Ну что он так преувеличивает! Ведь свою маленькую роль в кино я выучила за полчаса, а затем импровизировала, конечно, в рамках режиссерского замысла. А вот пусть кто-нибудь попробует за те же полчаса научиться танцевать.

Послышалась в этих, как бы мимоходом сказанных словах хорошая гордость за свое труднейшее искусство, требующее ежедневного огромного нравственного и физического напряжения, многих часов уроков, упражнений и репетиций. А что Майя Плисецкая не только большой художник, но и великая труженица, знают лишь ее коллеги по сцене. И не знает, не ведает об этом театральныи зритель, не видит он за легкокрылыми движениями, воздушными прыжками-полетами создавшего их труда.

Майя продолжает свой рассказ о съемках, о своей киногероине, и постепенно начинаешь ощущать, что, кроме текста роли, кроме сюжетного начала образа, есть еще что-то. С этим «что-то» и довелось встретиться здесь в аванложе Большого театра. Очень естественно стали проскальзывать у актрисы разговорные интонации толстовской Бетси. Да, это она, блистательная, насмешливая княгиня Тверская с ее озорными огоньками в глазах, редким, но заразительным смехом, с ее своеобразной жизненной «философией» «...я думаю, без шуток, что для того, чтоб узнать любовь, надо ошибиться и потом поправиться». Вот что такое жизнь в образе...

С. ОРЕШНИКОВ.

□ □

На снимке: кадр из фильма «Анна Каренина». В роли Бетси — Майя Плисецкая.

(Полностью статья напечатана в журнале «Культура и жизнь» № 3)

